

Штрихи к портрету Василия ШУКШИНА

Начало 1974 года запомнилось мне взлетом популярности и славы Василия Макаровича Шукшина. О его фильме «Калина красная» говорили все и всюду. И вот мне предложили сделать фотоочерк о Шукшине.

Известно, что он отказывался от встреч с фоторепортерами. Звоню. Что я стал говорить от волнения, вспомнить не могу.

— Ну что же, приезжайте.

...Дверь открыл сам Василий Макарович. Первое, что бросилось в глаза — его тапочки. Не магазинные, а ручной работы, с пришитой по краям опушкой. Почему-то эти тапочки сразу как-то успокоили.

— Проходите, — сказал Шукшин по-свойски будто знал меня давно. — Вот что, специальных съемок делать не будем.

Василий Макарович часто отлучался на телефонные переговоры. После очередно-

го вернулся хмурый, даже злым. «Кто-то расстроил вас?» — спросил я.

— Да, а... — желваки задвигались, и он замолчал. Потом сказал, что просят переименовать «Калину» для зарубежного проката. Как переименовать? Картина и так вся сокращена до предела.

...Аэропорт Быково. Шукшин улетал в Вологду, к своему другу Василию Белову. Я обрадовался — еще один снимок будет к моему очерку.

Расслабленный хорошим и удачным днем, совсем забыл, что в аэропортах запрещено фотографировать, аппаратура висела на мне, как напояз. Тут же появился сотрудник аэропорта в форменной одежде и попросил убрать камеры. Я показал ему свое удостоверение, сказав, что нужно снять всего один кадр. Но он был непреклонен. Василий Макарович стал меня

сочувственно успокаивать. Я пообещал сотруднику аэропорта убрать аппаратуру, и он удалился.

В это время Шукшин стал прощаться с женой, я не держал и уже, держа камеру почти в кофре, не глядя, снизу нажал на спуск. Только потом, после проявки, я получил удовлетворение — кадр все-таки получился.

Через несколько дней я принес Лидии Николаевне

КАДР ПОЛУЧИЛСЯ

Соб. Россия, 1990, 23 февр. - С. 4.

часть фотографий, сделанных у них в квартире и Бронницах. Быстро окинув взглядом фотографии,хватила одну и сказала: да, вот он, Вася, это он, это самый его удачный портрет!

Вскоре он должен был отправиться на съемки фильма «Они сражались за Родину». Василий Макарович предложил мне приехать в группу С Бондарчука и доснять очерк.

Хутор Мелодоловский расположен на красивом и живописном берегу Дона. Впрочем, от старого хутора остались три дома, остальные были «достроены» декораторами «Мосфильма». Гостиницей служил зафрахтованный студией пароход «Дунай». В длинных коридорах этого необычного дома на плаву можно было встретить В. Тихонова, И. Лапикова, Н. Губенко и многих других.

Киносъемки откладывались из-за не прибывшей еще

военной техники, которая должна была участвовать в батальных сценах. Участники киногоруппы занимались личными делами, отдыхали, устраивали различные мероприятия. На одно из таких попал и я.

Это была встреча в воинской части, участвовавшей в батальных съемках фильма, с мастерами кино, в составе которой были В. Шукшин, Ю. Никулин и второй режиссер фильма А. Чемодуров.

Во время выступления Никулина было шумно — шутки, хохот.

Шукшин ничего о себе не рассказывал, говорил о Шолохове, о его произведении «Они сражались за Родину», об ответственности всех, кто принимает участие в этих съемках. А я снимал этих совсем еще молодых ребят в солдатской форме и ощущал их трепетное внимание.

Постоянно находясь рядом с Шукшиным, я стал заме-

чать, что он не жалуется праздные разговоры, которые особенно любят в кинематографической среде, больше молчит. Если собеседник для него неинтересен, уходит в себя и думает о чем-то. Не со всеми доверителен. Более раскрепощенным я видел его во время обеденных перерывов.

Как-то я спросил у его жены: есть ли у Василия Макаровича какое-нибудь любимое занятие? И она сказала, что это — книги. С величайшим трепетом к ним относится. Если зайдет в какой-нибудь книжный магазин где-то в глухой глубинке, его оттуда надо ждать два часа, а то и больше. Пока все не исследует, не выйдет.

Вот в таком магазине я его и нашел. Он стоял спиной ко мне, рассматривая книгу. Во время съемки он меня так и не заметил. В этот же день мне повезло — сделал несколько удачных фотогра-

фий. Шукшин говорил с Москвой по телефону. Говорил с женой. Я сделал 3—4 кадра. Но какое-то чутье задержало меня на несколько секунд, и я был вознагражден редкими кадрами. По лицу Василия Макаровича было видно, что он разговаривает с детьми. Лицо менялось ежесекундно, оно было то озадаченным, то вдруг смягчалось теплотой, то казалось полным нежности.

Как-то вечером Шукшин подошел ко мне и тихо сказал:

— Завтра пригласили на рыбалку, так что приходи, может, что-нибудь для себя интересное найдешь.

На катере собралось довольно приличное количество рыбаков. Здесь были и Сергей Федорович Бондарчук, и генерал-консультант, и операторы фильма, и еще многие другие. И вдруг я увидел на высоком берегу Дона стоящего Степана Рази-

на. Да, да, Разина! Это был Шукшин, он стоял на горе и смотрел куда-то вдаль, возможно, с думой о нем, о Степане, о предстоящих съемках. К сожалению, я успел только два раза нажать на затвор фотоаппарата.

Когда прощались с Шукшиным, я нервничал, да и он не был похож на сурового молчуна. Попросил подождать. Пришел с книгой «Беседы при ясной луне», вот, говорит, Толя, тебе на память, только-только напечатали. Потом взял и на титульном листе, где уже была дарственная надпись, написал «Хутор Мелодоловский на Дону». Еще раз крепко пожал руку и на прощание сказал:

— Мы, Толя, еще на «Степане Разине» поработаем, обязательно приглашу, — и очень по-доброму улыбнулся.

Ан. КОВТУН.